

Геннадий Ростовский

Встреча

Что-то произошло, случилось - мгновенно и вдруг. Сердце ёкнуло, ухнуло, стало падать вниз, потом нехотя вернулось на место, но билось сильно и часто. Мир вокруг стал совершенно другим: вместо одиночества у речки с рощицей, мирных сельских видов – городской несовременный пейзаж, гудки машин и трамвайные звоны, прохожие, идущие мимо и бросающие на меня косые взгляды. Чего они косятся? Что со мной не так? Одежда моя на мне – куртка, рубашка, брюки, кеды....

А вот они одеты по старинке: в довоенные пальто и плащи, старомодные шляпы, картузы, шляпки, береты и платки у молодых женщин, завязанные концами назад. Вдали маячит фигурка милиционера-регулирующего – белый верх, галифе и сапоги...

Я что – заснул наяву, что ли? Как это у Пушкина: «Люблю летать, заснувши наяву, в Коломну, к Покрову...». Явно не Коломна; место чем-то знакомо, где-то раньше я его уже видел. Но где, когда? Вот этот четырёхэтажный дом – я его точно видел раньше!

Растерялся я и испугался, честно говоря. Что делать-то? Так, моя сумка с сигаретами, мобильником и прочим при мне, через плечо, да ещё в ладони этот самый шар...

Он привлек моё внимание несколькими минутами ранее, когда я заметил его в траве: лежит словно апельсин – такой же круглый и оранжевый. Но когда он оказался в ладонях, то сразу же изменил окраску, его поверхность стала переливаться - нет, не всеми цветами радуги, а, наверно, десятками цветов, по ней бежали огоньки, волнистые линии, скручиваясь в спирали. Я заморожено уставился на них, повертел шар и разглядел зелёный выступ, похожий на кнопку. Не думая о последствиях, машинально нажал на него...

Был день моего рождения, на этот раз 8 апреля ко мне припожаловали мои тридцать шесть, решил я этим солнечным весенним утром немного пообщаться с природой. И вот на тебе! Что ж это получается? – в другое время и в другое место переместился? Кстати, шар перестал таинственно переливаться, лишь неярко светилась утопленная зелёная кнопка. Недолго думая, сунул его в карман. Пересохло в горле, волной по телу пробежала нервная дрожь....

И что мне теперь делать? Спрашивать у прохожих, где я и который век на дворе? Век-то, судя по всему, двадцатый. И вроде весна. Но вопросы задавать не хочется: могут пальцем у виска покрутить или шарахнуть от меня. Достал пачку сигарет, жадно затянулся в раздумьях. Позвонить по мобильнику? Авось кто ответит? Позвонил: как и следовало ожидать – мёртвая тишина. Но всё же: вот этот дом, этот двор - где я их видел, чёрт возьми?! Вспомнил! – это же тот самый дом в Лубянском проезде, в котором на четвёртом этаже в своей «комнате-лодочке» жил Маяковский! На прошлой неделе я видел фотографию, когда гуглил в интернете картинки старой Москвы. Нет, ну как бы узнать и у кого - который год?

Ладно, спрошу у первого встречного. Вон у того спешащего симпатичного парня в полосатой футболке с длинными рукавами (весьма легкомысленно одетого для такой прохладной погоды). Уже и рот было открыл, чтоб его окликнуть, но краем глаза заметил метрах в двадцати знакомую высокую фигуру. Стоп!! Человек приближался ко мне и чем ближе подходил, тем я всё отчётливее (внутренне ужасаясь и восторгаясь) сознавал, что это... сам Маяковский!!! Ущипнул себя на всякий случай – не помогло. Сглотнул слюну, а когда поэт почти поравнялся со мной, явно направляясь подъезду дома, почти крикнул: - Владимир Владимирович, подождите!

Маяковский медленно и неохотно развернулся в мою сторону, исподлобья взглянул и как-то устало и не очень приветливо произнёс:

- Что такое?

- Здравствуйте, очень прошу! – уделите мне хоть пару минут, мне просто не к кому больше обратиться!

- Слушаю.

- Со мной случилась странная история. Просто фантастическая! Вы посмотрите внимательно на меня, загляните мне в глаза: похож я на сумасшедшего? Или на пьяного?

Сделав небольшую, в несколько секунд, паузу, я снова зачастил:

- Владимир Владимыч, не собираюсь вешать на Вас свои проблемы и отнимать у Вас Ваше драгоценное время. И Вам будет трудно поверить в то, о чём я скажу. Тем не менее, это правда, пусть и невероятная. Если я Вас сейчас вижу и с Вами разговариваю, значит, я очутился в конце двадцатых годов. Или в тридцатом. Верно?

Поэт во время этой моей тирады пристально в меня вглядывался, в его хмуром лице отобразилось любопытство:

- Вы явно не пьяны. Насчёт сумасшествия ничего сказать не могу, не психиатр. А год сейчас действительно тридцатый, восьмое апреля. И что? Разве Вам это не известно?

Мгновенно приняв решение, я лихорадочно достал из сумки красную пачку сигарет и протянул её поэту:

- Как у Вас со зрением, мелкий шрифт можете прочесть? Почитайте, что на пачке написано! Особенно на торце!

Он не очень уверенно взял «Святого Георгия» в широкую ладонь, поднёс к глазам и стал рассматривать. Наверняка и читал. На пачке красовались всякие надписи типа минздравовских предупреждений, но главное было на торце. Маяковский вгляделся в мелкие эти цифры:

- Что это значит – 26-00 Р. 02 2014?

- Это значит, что пачка сигарет стоит 26 рублей. А произведены они в феврале 2014 года.

В воздухе повисла довольно продолжительная пауза. Пока Маяковский молчал, я быстренько достал зажигалку, протянул ему сигарету:

- Закурите, Владимир Владимыч! Этой вот жёлтой стороной в рот, это специальный фильтр, такие ещё не скоро появятся!

Отказываться он не стал, лишь несколько недоверчиво повертел сигарету в пальцах. Я чиркнул зажигалкой, поэт пару раз затянулся, звучно кашлянул, взял у меня зажигалку, принялся и её внимательно рассматривать, поворачивая так и сяк.

- Вот здесь надо нажимать, чтобы огонёк появился, - проделал я нехитрую манипуляцию, которую он тут же повторил вслед за мной и хмыкнул.

-А вот ещё у меня есть штучка! – я быстро достал из сумки свой мобильник уже устаревшей модели. Включил его и, приблизив к лицу поэта, последовательно нажал несколько кнопок.

– Это такой переносной телефон из будущего, только позвонить по нему я сейчас не могу, некому. Все мои адресаты – там, в моём времени.

Маяковский помолчал, а потом повелительно изрёк:

- Вот что. Пошли-ка ко мне. Поговорим у меня, а не здесь, на улице. Как Вас звать?

- Андреем.

Отчество я называть не стал, хотя мы с ним и были ровесниками, ведь и ему было тридцать шесть, но внутренне я ощущал его гораздо старше.

Зашагал вслед за ним. Вошли в подъезд, поднялись на четвёртый этаж, после парадной двери очутились в маленькой передней, затем в первой комнате по левой стороне.

Действительно «лодочка»! – не больше 10-12 квадратных метров. Маленький стол с пепельницей посередине, бюро красного дерева, в углу притулился небольшой книжный шкаф, на белой стене - вырезанная из журнала и прикрепленная кнопкой фотография Ленина, старый диван...

Маяковский показал жестом на стул возле стола, сам встал спиной к почерневшему камину, положив локти на каминную полку и скрестив ноги:

- Ну, рассказывайте, Андрей, раз Вы из будущего – что там и как? В двадцать первом вашем веке? - спросил он слегка насмешливо.

Тут опять наступила продолжительная пауза, уже из-за меня, суматошно соображавшего, что же именно ему рассказать? Не могу же поэту революции всю правду-матку поведать! И молнией мелькнула мысль: если сегодня 8 апреля 1930 года, то до самоубийства остаётся всего шесть дней!

- Ну, чего молчите, я жду! Начинайте!

- Владимир Владимирович, рассказ может долгим получиться. Давайте я вкратце перескажу основное. А появятся вопросы – постараюсь ответить. Хотя далеко не всё детально знаю.

И я начал медленно, подбирая слова, говорить. О том, что Советская власть будет укрепляться, о коллективизации и индустриализации (не вдаваясь в подробности).

Чуть передохнул и добавил:

- И будет, увы, большая, тяжелейшая война...

- Когда начнётся, с кем будем воевать, с немцами? – перебил Маяковский, в эти минуты закуривший папиросу.

- Да. С фашистами немецкими. Начнётся 22 июня 1941 года. И несколько лет будет длиться. У нас будут страшные миллионные потери, разрушенные города и сёла. Но мы всё равно победим и войну завершим в Берлине.

И неожиданно для себя горячо воскликнул:

- Владим Владимыч, дорогой, хотя бы за год до её начала предупредите Советское правительство, раз уж мы сейчас встретились! Дайте знать Сталину! Чтоб наши лучше подготовились!

Поэт перекатил из угла в угол рта папиросу, помолчал и спросил:

- А как там, в будущем, с поэзией? С литературой и искусством вообще? Много появилось сильных поэтов?

- С поэзией всё нормально, хотя равных Вам по мощи таланта не появилось, но это лишь моё личное мнение. Вас в будущем помнят. Памятники Вам установлены, музеи открыты, хоть Вам и наплевать на бронзы многопудье. Кино стало совсем другим, цветным и стереоскопичным, много отличных фильмов сделано. Да что кино! Театры полны, музеи, библиотеки, выставки всякие.... А города раздались вширь и вверх. Почти как в Америке. Транспорт стал другим – самолёты и поезда, корабли и автомобили. И после войны с фашистами мировая система социализма появилась – десятки стран.... И наш советский человек первым отправился в космос! Простой смоленский парень! Ракеты будут летать к Луне и планетам!

Я почувствовал возросший интерес поэта, настроение его явно улучшилось. Но как ему сказать, чтоб он не стрелялся? Чтобы поберёг себя для будущего? Чтобы освободился от бриковской кабалы?! Вспомнилось смеяковское: «Ты б гудел, как трёхтрубный крейсер, в нашем общем многоголосье, но они тебя доконали, эти лили и эти оси...».

Но какое я имею право лезть ему в мятущуюся кровотокающую душу? И помогут ли мои слова, даже самые верные, искренние и тактичные?

- Вот что, Андрей, про будущее Вы рассказываете интересно. Но верить Вам у меня нет оснований. Все эти штучки-дрючки с сигаретами и прочим могут быть обыкновенным фокусом. Я и сам мог бы нечто подобное нафантазировать. Присочиняете? Кто Вы на самом деле? С какой целью меня поджидали?

- Воля Ваша – верить или нет.

Маяковский звучно высморкался в платок и требовательно спросил:

- Ну ладно. Ответьте мне хотя бы на такой вот вопрос: когда я... (он сделал секундную паузу) умру?

- Не отвечу. Хотя точно знаю. Может быть, я и неправ, но думаю, что у Вас с юности какая-то мания самоубийства, ещё с «Флейты». Впрочем, как знать,- вдруг наша сегодняшняя встреча действительно не случайна? Ведь переместился я во времени и пространстве именно к Вашему дому и именно в этот год... Я вот что сейчас подумал: как раз вчера до поздней ночи читал книгу о Вас, довольно интересную, хотя и спорную. К тому же, честно сказать, сам порой пишу в рифму. Ну, это так, для души,- понимаю, что не тот уровень. Хорошо на эту тему сказано у одного моего современника:

И вот его желанье гложет,
А по ночам бессилье точит,
Но так, как хочет, он не может,
А так, как может, он не хочет!

А в нынешних Ваших житейских проблемах - и литературных, и личных – я более-менее осведомлён. И никем я не подослан! Не верите – дело Ваше! Доказать-то я ничего не могу. Если честно – единственное, чего я хочу – снова отправиться в своё время, в свой год.

- А что - вы все там очень счастливо живёте?

- Какое там! (Здесь я чуть-чуть не начал говорить лишнее, ведь душа моя и сердце из-за сегодняшней пертурбации были не на месте). – По большому счёту мало что изменилось: очень даже на планете неспокойно. Для счастья она и в наше время мало оборудована.

- Как хотите, Андрей, можете обижаться, но вот Вам моя проверка. Никому пока я не читал и не показывал то, что пишу во втором вступлении к поэме «Во весь голос». Читали? Знаете? Как в целом поэма, получилась?

- Выдающаяся вещь! А насчёт проверки – мои две любимые строфы вот эти:

Я знаю силу слов. Я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
Шагать четвёркою своих дубовых ножек.
Бывает – выбросят, не напечатав, не издав.
Но слово мчится, подтянув подпруги,
Звенит в веках, и подползают поезда
Лизать поэзии мозолистые руки.

-Странно всё это.... Значит, о моих сегодняшних проблемах там, в будущем, всё известно? И литкритики у вас в будущем всё по полочкам уже разложили? Мол, надо было вот так, а не этак?

-Знаете, опять же это моё личное мнение, но зря Вы выбрасываете в корзину такие строфы, как, например, вот эту: «Я хочу быть понят моею страной. А не буду понят – что ж – по родной стране пройду стороной, как проходит косою дождь...». Это же гениальная лирика, а не какие-то розовые сопли! И второе вступление «Во весь голос» - самое Ваше лучшее! Ни о какой амортизации сердца и души даже не заикайтесь! Вы ещё столько всего выдающегося напишете, Владим Владимыч! - горячо уверил я поэта. - И не обращайтесь на травлю литературных мосек, всех этих сосновских и коганов! Они канут в небытие, а Ваше творчество навсегда останется в истории литературы! Все эти рапповцы исчезнут, будет единый союз писателей на всю страну.

-Ну ладно, посланец из будущего, - опять несколько насмешливо и в то же время с какой-то тоской в простуженном голосе спросил он меня, – что там у вас, в будущем, известно относительно моих личных дел? Сплетничают?

- Сплетничали всегда. В будущем – тоже не без этого. Знаю то, что Вы недавно заплатили первый взнос на будущую кооперативную квартиру. И это – верное решение, как я думаю. О

Вашем личном не хочу говорить, не считаю себя вправе. Но вот Вам ещё одно доказательство, что я действительно из будущего. Исследован каждый год Вашей жизни. Чуть ли не каждый день! Например, возьмём завтрашний день. Если не ошибаюсь с датами, то завтра Вы должны выступать в Институте народного хозяйства имени Плеханова. В наше время говорят сокращённо – в Плешке. И выступать у Вас особого желания нет, но уговорили. И скажете Вы там помимо всего прочего и про сплетни. Мол, про меня и такое болтают, что ездил по Москве голый с лозунгом «Долой стыд».

Да, Вы устали, не очень здоровы, нервы расшатались, а отдыхать по-настоящему не умеете – в голове всё время варианты строк и рифм – из года в год.... Вы слишком добры и доверчивы, прям по-рыцарски благородны: за малейшую услугу платите стократ, за маленькое доброе дело – всей жизнью! Надо ли так? Или по-другому не можете?

В этот момент я не выдержал, можно сказать – сорвался (потому что всё время в подсознании занозой сидела мысль о шести днях) и выдал, смотря поэту в глаза:

- Через несколько дней тут будет стоять Полонская, и Вы будете её умолять остаться, пропустить репетицию...

Маяковский вздрогнул, глаза его сверкнули, а нижняя челюсть грозно подалась вперёд.

В это время в кармане моих брюк что-то тихо загудело. Я достал тот самый шар, который снова как будто ожил, снова на его поверхности мелькали, сменяя друг друга, десятки цветов, а кнопка была уже не зелёной, а красной. Но по-прежнему утопленной внутрь.

- Вот что хочу я Вам откровенно сказать, Владимир Владимирович,... - начал было я, но в этот миг кнопка шара, выложенного мной на стол, налилась ярким багровым цветом, выскочила вверх и...

И всё исчезло – Маяковский, комната-лодочка – всё!.... Вновь я очутился на той самой лужайке на краю леска у реки, среди знакомых с детства окрестностей, вдали на возвышенности виднелись наши городские кварталы. А шара не было. Как будто его вообще не существовало.

В общем, побыв минут пять в некоем оцепенении, поспешил я домой. В квартире тут же потянулся к книжной полке, достал красный том Маяковского, быстро пролистал страницы в поисках его биографии. Нашёл. Дата смерти – 14 апреля 1930 года...

Сильно я в тот вечер напился...